

**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ГЕТЕРОТОПНЫХ ПРОСТРАНСТВ ФРОНТИРА
(НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹**

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, доцент

Астраханский Государственный Университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail:shuilong@mail.ru

Самсонова Наталья Валерьевна, студентка

Астраханский Государственный Университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail:natusik_1291@mail.ru

В условиях гетеротопии полиэтнических территорий очень важно сохранить существующий баланс все этнических или социальных акторов в региональной политике. В ситуации, когда культурный ландшафт фронта или подвижной границы постоянно меняется, этот баланс становится скорее воображаемым, чем реальным. Астраханская область является одним из таких регионов, где сосуществует более 100 различных этнических групп. Это означает, что сам вопрос культурной безопасности имеет для них двойственное значение. Каждый гражданин на таких территориях живет в состоянии постоянных культурных перемен, что очень часто ставит его на положение Чужого среди своих. В этой ситуации образ Чужого начинает играть решающую роль в общественном сознании.

Ключевые слова: культурная безопасность, фронт, гетеротопия, межкультурные отношения, этнические стереотипы

**THE PROBLEM OF CULTURAL SECURITY IN THE SITUATION
OF FRONTIER HETEROTOPIA TERRITORIES
(BY THE EXAMPLE OF THE ASTRAKHAN REGION)**

Yakushenkov Sergey N., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatischev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail:shuilong@mail.ru

Samsonova Natalya V., student

Astrakhan State University
20a Tatischev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail:natusik_1291@mail.ru

In the conditions of heterotopia of polyethnic relations in some territory it is very important to keep balance of different ethnic and social actors of local politics. The situation of Frontier or moving borders' cultural landscape makes this balance to be more an imaginary than a real fact. Astrakhan region is one of such territories where more than 100 ethnic groups coexist for a long period of time. All that means that the question of cultural security has a double meaning almost for every ethnic group of the region. Every citizen in such territory lives in a situation of constant changes. Very often he (she) becomes a Stranger in his own land. In this situation an image of a Stranger become one of most crucial.

Keywords: cultural security, frontier, heterotopia, intercultural relations, ethnic stereotypes

¹ Работа выполнена в рамках "Формирования государственных заданий высшим учебным заведениям на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 гг. в части проведения научно-исследовательских работ. 6.2147.2011 "Проблемы сохранения культурной безопасности Прикаспия".

Поскольку проблема культурной безопасности уже не раз обсуждалась в отечественной и даже региональной научной литературе, позволим себе сослаться на эти статьи [1;2;3], не дискулируя еще раз по самой проблеме в ее абстрактном значении. Нас волнует, прежде всего, вопрос с культурной безопасностью в местах, которые принято называть фронтальными, т.е. находящимися на периферии государства, на территориях, которые находятся в состоянии колонизации, т.е. освоения. Это чаще всего автоматически означает, что население таких мест полиэтнично. Этнические компоненты на таких территориях могут быть самыми разными. Так фронтальные территории на Диком Западе в США состояли не только из автохтонного населения (индейцев) и пришлого (англосаксов). В колонизации новых земель принимали участие самые разнообразные этнические группы: французы, шведы, немцы, евреи, афроамериканцы, китайцы, русские и многие-многие другие. Своеобразной визуальной метафорой фронта стала фигура ковбоя на фоне пустынного ландшафта с шарами перекачки-поле на заднем плане. Но мало кто знает, что «неотъемлемая» часть фронтального пейзажа Дикого Запада США появилась там где-то около 1875-77 гг. и была завезена туда с семенами льна русскими переселенцами меннонитами [4, р. 97] Длительное время это растение (*Salsolatragus*L.) так и называли «русской травой», «русским чертополохом» (Russianthistle), «татарским чертополохом» (Tartarthistle) и даже «русским кактусом». За несколько лет «перекачки поле» разрушило множество фермерских хозяйств Южной Дакоты и перебралось в соседние штаты. Один из депутатов в Северной Дакоте даже предложил огородить весь штат колючей проволокой, чтобы не допустить туда проникновение перекачки поля. В Южной Дакоте и соседних штатах поползли слухи, что русские менониты специально завезли и распространили эту траву, чтобы отомстить за плохое к ним отношение со стороны других поселенцев [8, р. 124.] Потребовались даже специальные изыскания ученых, чтобы успокоить общественность, доказав, что распространение этого растения – чистая случайность.

Трудно сказать, чем бы закончилась эта эпопея русских и украинских менонитов, если бы не эти старания ученых успокоить общественность. В любой момент русские переселенцы могли вновь оказаться Чужими на «своей» земле. Мы специально поставили местоимение *свой* в кавычки, так как проблема права владения этой землей остается открытой. Кому принадлежала эта земля? Ведь еще недавно ее владельцами были индейцы. Владели ли ей англосаксонские переселенцы по праву? Или они разделяли это право с другими переселенцами: французами, ирландцами, шотландцами, шведами, немцами, норвежцами, наконец, русскими и украинцами, да и российскими немцами из под Одессы. Вряд ли на этот вопрос можно найти однозначный ответ. В любом случае самыми Чужими на своей земле оказались индейцы, а прибывшие Чужаки начали рассматривать эту землю в качестве своей. Вот только готовы ли они были всех своих соседей рассматривать как своих? Называя эту сорную траву, покрытую колючками и практически не убиваемую, «русской», они невольно подчеркивали ее чужеродность, ее инаковость. Точно также как крестьяне под Одессой называли ее «татарским чертополохом», так же определяя ее чужеродной происхождением. Неслучайно, что именно образ чертополоха, которого также называли «татарником» стал своеобразной метафорой человеку фронта в одном из романов Льва Толстого, посвященного герою российской «фронтальной истории» Хаджи Мурату – сподвижнику Шамиля.

Но когда-то сами русские и украинские крестьяне оказались под Одессой в состоянии колонизаторов, да и сама Одесса была построена на месте турецкого города Хаджибея, да и заложена она была голландским военным архитектором Францем Деволаном (deVollan), а основана другим не менее известным «итальянцем» на российской службе Хосе де Рибасом, отец которого был каталонцем, а мать ирландкой. Именно в честь него была названа известная одесская улица Дерибасовская. Интересно, ощущал ли Осип Михайлович Дерибас Чужим в Одессе? Как его присутствие в этом новом российском городе, который в скором времени стал одним из крупнейших и красивейших городов российской империи, угрожало культурной безопасно-

сти одесситов? Ведь он и ему подобные «понаехавшие» постоянно привносили в культурный ландшафт Одессы что-то новое. Но самым курьезным в этой ситуации является то, что другой известный одесский район Молдаванка был основан выходцами из Молдавии, которые, как утверждают «злые языки», прибыли еще в турецкий город Хаджибей для строительства крепости Ени-Дунья еще задолго до того, как его взяли русские войска под управлением Дерибаса [7, р. 141]. И хотя историки оспаривают эту версию, полагая, что молдаване (волохи) приехали уже после основания русской Одессы, однако, сам факт существования подобных версий в некотором роде обостряет сам факт понятия Чужой на гетеротопных территориях подобных Одессе.

В таких местах страх прежних насельников перед приезжими, выразившийся во фразе «Понаехали тут!» лишен всякого смысла, так как может быть предъявлен практически к каждому. Вместе с тем, гетеротопия как феномен историко-культурный хотя и является сравнительно частым явлением на просторах нашей Родины, однако никак не определяет суть происходящих политических и культурных процессов. Сами они как бы оказываются вне контекста национальной политики.

В настоящий момент российский общественный дискурс чрезмерно изобилует дискуссиями по поводу определения «понаехавших» лиц. Страсти кипят и в столице нашей славной Родины, да и на периферии все очень даже неспокойно. Коренной VS приезжий вдруг неожиданно стало главным качеством, определяющим профессионализм, профпригодность, ум, честность и т.д. Но если определение «коренной москвич» этот главный аргумент в апелляции политиков к общественности и играет на уровне социума, то уж никак не срабатывает на уровне национальной политики. И ориентация общества местничковость практически никак не заботит политиков, они или полностью игнорируют на возникшую тенденцию, либо сами находятся в русле этих национальных «трендов».

Отношение к мигрантам (понаехавшим), как правило, становится одним из главных вопросов, по которым начинают судить о политической «пригодности» политика. Национальный вопрос очень остро стоял как перед последними выборами в Государственную Думу, так и перед выборами столичного мэра. Лозунг «Хватит кормить Кавказ!» постоянно возникал в процессе оппозиционных митингов в 2012 г.. Чтобы навести порядок с приезжими в Москве перед выборами проводились «зачистки» среди иммигрантов, в результате которых в столице появились временные репатриационные лагеря, в которые попали почему-то только граждане Вьетнама, оказавшиеся в столице нелегально. Таким образом, власти отреагировали на запрос общества в «этнической» чистоте Москвы и на антикавказские настроения москвичей.

В данной статье мы не собираемся оценивать правомочность подобных лозунгов политиков или практических действий властей. Вполне понятно, что и первые, и вторые действуют скорее из соображений политической целесообразности, чем реального желания решить проблему с мигрантами и изменением социокультурного ландшафта в стране. Как нам кажется, ксенофобия хоть и стала модным трендом, однако не является доминирующим настроением в стране, что вполне закономерно в условиях многонационального характера нашего государства.

Конечно во многом создавшаяся ситуация стала результатом новой волны национальной и этнической самоидентификации. В данном контексте мы понимаем под национальным общегосударственный аспект, но не этнический. Естественно, что этот процесс самоидентификации, захвативший практически все народы России, не может не сопровождаться усилением и поиска самобытности, исторических и этнических корней, осознанием национального характера и т.д. Этот процесс начался еще в 90-е гг. XX в., но усиление его в начале нового столетия связано уже не сколько с внутренними тенденциями, а сугубо внешними, инспирированными внешнеполитическим курсом страны. Поиск внешнего врага не возможен без поиска и врага внутреннего, что очень хорошо продемонстрировала советская история 20-30 хх годов, когда шпиономания и борьба с классовыми внешними врагами привела к уничтожению огромного числа даже лояльных граждан СССР. Не избежали подобной участи и

многие другие социалистические страны, да и многие капиталистические, достаточно вспомнить политику Маккартизма в США, приведшую к политическим и даже физическим чисткам в этой стране[5; 6]. Начавшись, как борьба с иностранными шпионами, этот процесс захватил все большие слои населения, оказавшегося в атмосфере подозрительности, неуверенности и страха.

Естественно, что «национализация» этнического самосознания и самоосознания в конечном итоге приводит не только к отторжению иноэтнических элементов, но и иннотерриториальных. И это в конечном итоге вступает в противоречие с общей тенденцией этнической самоидентификации. Правда, здесь в конечном итоге все упирается в экономические и политические интересы определенных территориальных групп, точнее определенных локальных элит. Если даже эти внутренние противоречия и не играют значимой роли на общенациональном уровне (хотя мы полагаем, что возможно все обстоит совершенно иначе), однако общественное мнение приписывает им значимую роль, муссируя слухи о определенных противоречиях «питерских» и «московских», да и прочих элит. При отсутствии транспарентности при принятии различных экономических и политических решений в стране такие слухи практически неизбежны.

Все это практически сводит на нет все усилия правительства по устранению рисков межэтнической и этнической напряженности в стране. Наметившиеся позитивные сдвиги начала XXIв. оказались практически сведенными на нет. В стране так и не было создано единого национального пространства, зато сформировалось несколько региональных пространств, в которых внутренние процессы не всегда идут параллельно с общенациональными. И хотя сепаратистские настроения в подобных пространствах слабы, однако, ряд факторов социокультурного ландшафта на этих территориях позволяет говорить, что эти регионы развиваются по своему пути, отличному от общенационального. И дело не только в конфессиональных, языковых или других этнических различиях. Речь идет о более фундаментальных различиях, выражающихся в ином понимании исторических путей развития страны в целом, как в прошлом, так и будущем. Казалось бы эти различия и не носят принципиальный характер, однако, они как зеркало отражают все происходящее. Примером подобному может служить дискуссия по поводу определения такого прошлого Российской истории, как «татаро-монгольское иго». Региональные этнические элиты Татарстана уже давно настаивают на пересмотре «устоявшегося» исторического тренда. В некоторой степени, как нам кажется, претензии этих сил, инициировавших пересмотр определенных исторических штампов вполне логичны и оправданы. Но центральные власти постоянно оказываются в определенных политических и дипломатических ловушках. Откажись от эпитета «татарский» в сочетании «татаро-монгольское» или «монголо-татарское» иго, Москве пришлось бы как то объясняться с Монголией. Тогда происходит жонглирование местами этих двух составляющих. Возникает и правомочность использование самого термина «иго». В конечном итоге будет найдена более мягкая или завуалированная формулировка, затушёвывающая всю сложность отношений русских княжеств с Ордой. Показательно, что все эти изменения вносятся в большей мере не в результате научных дискуссий, а под давлением местных элит. Решат ли новые формулировки всех сложностей данной исторической проблемы? Конечно, нет, недовольными останутся все: и местные элиты, и патриотически настроенные русские, которые вряд ли смогут понять и принять новые формулировки без какой-либо дополнительной аргументации. В ситуации имперской трактовки истории и отказа лишь от частных формулировок не решит проблемы межэтнических отношений ни в относительно в моноэтническом центре, ни в иноэтнических регионах, особенно в таких, где активно идут процессы этнического самоопределения. Пересмотр исторических стереотипов не единственное «новшество» запущенное этническими элитами, Интернет пестрит примерами волной трактовки гендерных и конфессиональных отношений с учетом национальной специфики. Нередко то, как национальные сообщества воспринимают эти отношения, вступает в противоречие с

Российской Конституцией. В свою очередь в Москве под лозунгами борьбы с незаконной миграцией проводятся националистические «Русские марши».

Все это приводит к тому, что усиливаются противоречия внутри российского общества. И даже в гетерогенных обществах, привыкших к культурной полифонии и сохраняющий высокий уровень межкультурной коммуникации. Примером тому может служить Астраханская область, где уровень толерантности к представителям других этнических групп очень высок. Конечно, его нельзя назвать идеальным из-за ряда различных инцидентов, однако, они являются скорее исключением, чем общим правилом.

В своем анализе сложившейся ситуации мы можем исходить из оценки молодежной среды высших учебных заведений г. Астрахани. Опросы проводились как в среде студентов-астраханцев, так и в среде иностранных студентов для корреляции полученных результатов. В качестве контрольной группы были выбраны китайские студенты. Выбор пал на них по нескольким причинам: их численность, антропологические характеристики и некоторые трудности адаптации в виду языковых сложностей. Как правило, китайские студенты (в отличие от таджикских или туркменских студентов) хуже адаптируются, слабее владеют русским языком.

Как правило, в большинстве своем студенты высоко оценивали межкультурные отношения астраханцев, как студентов вузов, так и жителей в целом. Практически всех китайцев удовлетворяла общая атмосфера толерантности в городе. Как ни удивительно, около 90 % опрошенных китайцев предъявляли претензии не к жителям Астрахани, а к другим иностранным студентам. Конечно, это объясняется очень легко, ведь им приходилось вместе проживать не с астраханцами, а с иностранными студентами.

Мы приводим эти факты, давая общую оценку межкультурных отношений в Астрахани глазами китайских студентов лишь с одной целью: показать, как извне воспринимается общий межкультурный диалог в крае.

Оценка же состояния межкультурного общения самими молодыми астраханцами выглядит совершенно иначе. Прежде всего, следует заметить, что национальность играет важную роль в общении у 65 % респондентов (30 % юноши и 35 % девушки). Национальность собеседника не играет никакой роли для 15 % девушек и 20% юношей.

Отношение к браку с человеком другой национальности играет важную роль у большинства респондентов (25% юношей и 30% девушек), многие хотят, чтобы будущий супруг(супруга) был только человеком его национальности. Далее мнения разделились. «Мне безразлична национальность будущего супруга(супруги)» ответили 20% юношей и всего 5% девушек. Это говорит о том, что для юноши готовы взять в жены девушку любой другой национальности.

Вместе с тем почти половина опрошенных предпочла бы жить в гомогенной культурной среде, в которой нет других этнических групп, причем женщины, как и в предыдущих опросах, демонстрируют большую консервативность и моноэтническую ориентацию. Однако на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что "Общество богаче и культурнее, когда люди разных национальностей живут рядом»» ровно половина респондентов ответила утвердительно.

Таким образом, мы имеем удивительную ситуацию того, что молодые люди признают, что поликультурное общество богаче и культурнее, но предпочитают жить в монокультурной среде. Оно не очень озабочено национальностью собеседника, но предпочло бы не связывать свою жизнь с ним.

Другой момент, который вызывает серьезную настороженность ответами молодых людей связан с тем, что очень часто мы получаем почти идеально поляризованное общество. Молодежная общественная среда как бы разделена в вопросах национальности. А тот факт, что в опросе принимали в основном образованные молодые люди, наводит на мысль, что в других социальных средах этот опрос выглядел бы не столь однозначно поляризованным, а в значительной мере более сегментированным, с ярко выраженными ксенофобными настроениями.

Все это заставляет нас задуматься о происходящих процессах в таких сложных гетерогенных пространствах, как Астраханская область. Хотя общество и привыкло к поликультурности в силу исторического своеобразия формирования культурного ландшафта г. Астрахани, однако молодые люди высказывают некоторую неуверенность в совместном проживании. В любом случае эта неуверенность может стать хорошей почвой для националистической пропаганды среди молодых людей, что неизбежно приведет к полной дестабилизации межкультурного диалога в регионе, где проживают более ста различных этнически групп, причем некоторые из них проживают здесь уже на протяжении нескольких веков.

Список литературы

1. Романова А.П. Мармилова В.О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек, сообщество, управление. Научно-информационный журнал. 2008 г., №2.
2. Романова А.П. Топчиев М.С. Трансформация системы культурной безопасности на Юге России через призму взаимоотношений с другим этносом. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета №9 2012.
3. Романова А.П. Культурная безопасность и страх перед Чужим. // Каспийский регион: политика, экономика, культура 2013 №2, с.228-237.
4. Evans C.L. The War on Weeds in the Prairie West: an Environmental History. Calgary: University of Calgary Press, 2002.
5. Fitzgerald B. McCarthyism: the Red Scare. Minneapolis: Compass Point Books, 2007.
6. Fried A. McCarthyism, the Great American Red Scare: A Documentary History. Oxford University Press, 1997.
7. Richardson T. Kaleidoscopic Odessa: History and Place in contemporary Ukraine. Toronto, University of Toronto Press, 2008.
8. Yang J. A. The Public Response to the Catastrophic Spread of Russian Thistle (1880) and Halogeton (1945) // Agricultural History, 1988, vol. 62, no. 2, p. 122-130.

References

1. Romanova A.P. Marmilova V.O. Kulturnayabezopasnostkakvazhneyshiyfaktor natsionalnoybezopasnosti // Chelovek, soobschestvo, upravlenie. Nauchno-informatsionnyy zhurnal. 2008, N 2.
2. Romanova A.P. Topchiev M.S. TransformatsiyasistemykulturnoybezopasnostinaYugeRossiicherezprizmuvmzaimootnosheniy s drugimetnosom. // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012, N 9.
3. Romanova A.P. KulturnayabezopasnostistrahperedChuzhim. // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. 2013, N 2, s.228-237.
4. Evans C.L. The War on Weeds in the Prairie West: an Environmental History. Calgary: University of Calgary Press, 2002.
5. Fitzgerald B. McCarthyism: the Red Scare. Minneapolis: Compass Point Books, 2007.
6. Fried A. McCarthyism, the Great American Red Scare: A Documentary History. Oxford University Press, 1997.
7. Richardson T. Kaleidoscopic Odessa: History and Place in contemporary Ukraine. Toronto, University of Toronto Press, 2008.
8. Yang J. A. The Public Response to the Catastrophic Spread of Russian Thistle (1880) and Halogeton (1945) // Agricultural History, 1988, vol. 62, no. 2, p. 122-130.